

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_11

Климатическое лидерство ЕС: новые формы глобальной конкуренции

И. В. Болгова¹, Е. А. Столярова²

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

¹i.bolgova@inno.mgimo.ru

²stolyarova.e.a@my.mgimo.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ведущих академических исследований «климатического лидерства» ЕС с целью систематизации подходов к категории лидерства в мировой политике и уточнения понимания места Европейского союза в системе глобальной конкуренции. Авторы заключают, что ЕС в контексте климатического регулирования рассматривается как квазигосударственный актор. При этом академический дискурс избегает темы возможной трансформации климатического лидерства в более широкий политический контекст.

Ключевые слова: Европейский союз, климат, лидерство, великие державы, конкуренция

Благодарности: Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ/АНО ЭИСИ «Управление конкурентной средой во взаимодействии США, КНР, ЕС и России в XXI веке. Последствия для России». Договор № 21-011-31129/21 от 02.06.2021 г. Регистрационный номер: 121090300108-1

Для цитирования: Болгова И. В., Столярова С. А. Климатическое лидерство ЕС: новые формы глобальной конкуренции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 11–18. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_11

Original article

EU Climate Leadership: New Forms of Global Competition

Irina V. Bolgova¹, Evgenia A. Stolyarova²

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹i.bolgova@inno.mgimo.ru

²stolyarova.e.a@my.mgimo.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the leading academic studies of the EU “climate leadership” with the aim to systematize approaches to the issue of leadership in world politics and clarify the place of the EU in the system of global competition. The authors conclude that in the context of climate regulation the EU is seen as a quasi-state actor. At the same time, academic discourse avoids discussing the possibility to transform climate leadership into a broader political context.

Keywords: European Union, climate, leadership, great powers, competition

Acknowledgements: The article is founded by the RFBR/ANO EISI research project “Managing the competitive environment in the interaction between the USA, China, the EU and Russia in the 21st century. Consequences for Russia.” Agreement No. 21-011-31129/21 of 06/02/2021

For citation: Bolgova, I.V., Stolyarova, E.A. (2022). EU Climate Leadership: New Forms of Global Competition. Vestnik Moscow Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 11–18. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_11

ВВЕДЕНИЕ

Глобальное климатическое лидерство ЕС рассматривается в отечественном академическом дискурсе как данность, следуя контексту нормативной роли Европейского союза в мировой политике и наиболее ярким политическим заявлением, сформулированным в самом ЕС. При этом европейские исследования климатической политики ЕС более детально анализируют компоненты и эволюцию лидерства. Предлагаемый обзор существующих академических подходов к пониманию и оценке позиций ЕС в глобальной политике по борьбе с изменением климата призван дополнить понимание категории «лидерства» в современной мировой политике.

В статье приведены основные этапы политики ЕС в сфере глобальной борьбы с изменением климата с тем, чтобы выделить поворотные для академических исследований точки; рассмотрены подходы к роли ЕС, опирающиеся на материальные показатели; систематизированы исследования ценностной составляющей климатической политики ЕС.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ЕС В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА

На официальном уровне ЕС позиционирует себя как ведущий игрок в сфере международной политики по борьбе с изменением климата. ЕС играл важную роль в создании РКИК ООН, ратификации Киотского протокола и продвижении Парижского соглашения, а также настаивал на принятии положений, признающих разные обязанности развивающихся и развитых стран. ЕС как «нормативная сила» [Manners, 2002] действует на основе набора общих универсальных ценностей, выходящих за рамки эгоистической политики силы или исключительного стремления к экономической выгоде. Климатическая повестка политики ЕС соответствовала его основным базовым установкам: мультилатерализм, устойчивое развитие, научно-технический прогресс и принцип предупредительного действия в отношении глобальных проблем. В заявлении Европейской комиссии в 1991 г. подчеркивалась моральная ответственность за антропогенный характер изменения климата¹. В 2007 г. ЕС в контексте работы над новым всеобъемлющим договором, который должен был сменить Киотский протокол, прямо заявил о своем стремлении «взглавить

глобальные действия» против изменения климата «до 2020 года и далее»². За годы формирования международного климатического режима сложился образ ЕС как его наиболее последовательного и активного приверженца.

Одной из важных вех на пути укрепления позиций ЕС в климатической повестке стал одобренный в 2008 г. пакет документов энергетических и климатических обязательств, известный как «Программа 20–20–20». Однако разработка жестких ограничительных мер не получила в тот период результата на внешней арене. Поворотной для Брюсселя стала 15-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (СОП-15) в 2009 г. в Копенгагене. В ЕС рассчитывали, что саммит положит начало масштабной реформе климатического режима после прекращения действия Киотского протокола. Однако в итоге была принята лишь политическая декларация, выработанная в основном при участии США и группы развивающихся стран. Саммит в Копенгагене стал хрестоматийным примером неудачи реализации лидерских амбиций ЕС и служит точкой отсчета при анализе климатической политики. Причиной неудачи ЕС считается стремление навязать собственную модель сокращения выбросов парниковых газов и чрезмерное давление на других игроков (прежде всего, США и Китай), которые не хотели брать на себя серьезные обязательства. Именно после саммита в Копенгагене наблюдается значительный академический интерес к анализу эволюции роли ЕС в области международной климатической политики с точки зрения оценки как материальных, так и нормативных составляющих.

МЕСТО ЕС В СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Изменение позиций ЕС в международной климатической политике ряд исследователей склонны связывать с распределением материальных потенциалов и соответствующей прагматической логикой продвижения интересов.

Согласно последователям реалистской традиции, постепенное увеличение совокупной мощи растущих держав должно отражаться в их влиянии на повестку глобальных международных переговоров. Анализ неудач ЕС на переговорах в Копенгагене опирается на вывод о том, что принятый подход о диверсификации ограничений для развитых и развивающихся государств, рассматривавшийся

¹First Community Strategy to Limit Carbon Dioxide (CO₂) Emissions and Improve Energy Efficiency // European Commission. 1991. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/P_92_29.

²Council of the European Union. Presidency Conclusions. Brussels, 2007 URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/93135.pdf

в 1990-е гг. как справедливый, не успел учесть изменения в показателях роста [Lucke, 2021].

В этом контексте относительное снижение экономического веса ЕС – особенно в связи с ростом новых экономик Китая и Индии – должно ослабить его способность оказывать влияние на глобальное экономическое регулирование. Доля ЕС в глобальных выбросах за счет постоянного снижения составляет 8 %, что делает его «средней державой в климатической политике», в то время как США, Китай и другие развивающиеся державы «действительно играют решающую роль в любом долговременном решении проблемы климата» [Oberthür, 2011]. Таким образом, установилось мнение, что geopolитическое влияние в климатической повестке переместилось в сторону крупных развивающихся стран.

Одновременно сложившаяся ситуация делает ЕС более уязвимым с точки зрения конкурентоспособности и дальнейшего развития лидерских позиций. Если климатические требования не будут внедряться равномерно, европейские компании потеряют долю рынка за счет повышения себестоимости продукции. Это может привести к перемещению компаний за пределы Европы и так называемой утечке углерода [Asselt, Brewer, 2010]. Такая перспектива негативно сказывается на привлекательности ЕС, так как закрепляет неоколониальный дискурс и претензии о несправедливости требований глобального экологического режима в отношении развивающихся стран.

Эволюция материальных показателей в области борьбы с загрязнением окружающей среды тесно связана с вопросом глобальной ответственности [Petri, Biedenkopf, 2020]. Несмотря на снижение показателей выбросов, с исторической точки зрения совокупные выбросы ЕС с 1751 по 2017 г. составляют 22,6 % мировых, тогда как на Китай приходится лишь 12,82 %. С ростом выбросов в Китае и их снижением в Европе историческая ответственность двух акторов в ближайшие годы совпадет.

Помимо сдвигов в распределении материальных показателей на роль ЕС в климатической повестке влияние оказывают изменения в институциональной структуре. Анализ политики ЕС в области борьбы с изменением климата и снижением выбросов традиционно фокусируется на деятельности по реализации РКИК ООН. Однако «международный комплекс режимов по изменению климата» [Keohane, Victor, 2011], включает гораздо большее количество международных форумов и платформ, задействованных в продвижении и управлении глобальной экологической повесткой. Более того, существующая исследовательская литература в значительной степени концентрируется только на вопросах борьбы с изменением климата, в то время

как другие экологические проблемы (производство и использование химикатов, снижение биоразнообразия) также важны для понимания роли ЕС в глобальных переговорах [Delreux, Ohler, 2021]. Степень разветвленности отношений ЕС с другими форматами, не относящимися к Рамочной конвенции, становится переменной, объясняющей институциональный ресурс Евросоюза и его возможности влиять на более частные сюжеты климатической повестки.

Параллельный блок исследований, соглашаясь с положением о снижении международной роли ЕС на фоне роста Китая и Индии, тем не менее, подчеркивает, что Европейский союз остается лидером повестки в сфере экологической безопасности. Лидерство ЕС в этом случае обеспечено не абсолютными материальными показателями, а запросом со стороны международной среды: в отсутствие других игроков, желающих занять место лидера в сфере формулирования климатической повестки, запрос направлен в сторону ЕС. Особенно остро это проявляется в поворотные моменты соответствующей политики США (выход из Киотского протокола, внешняя политика президента Д. Трампа) [Hurri, 2020]. Количественные исследования дискурсивного воздействия на глобальную климатическую повестку также показывают, что ЕС опережает других игроков за счет проведения последовательной активной политики по формированию структуры глобальной ответственности, внедрению новых семантических единиц («carbon politics», «clean development mechanism» и др.) и доминирующими позициями в контроле над информационными потоками [Wu et al., 2021]. Таким образом, объяснения на основе анализа распределения балансов сил не способны в полной мере ответить на вопрос о состоянии нынешнего положения ЕС в системе глобального климатического регулирования. Парадокс сохраняющегося политического влияния при отсутствии достаточных материальных показателей рассматривается исследователями через призму более нюансированного понимания природы лидерства в области международной политики по противодействию изменению климата.

ПРИРОДА ЛИДЕРСТВА ЕС В СФЕРЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Либеральное направление исследований экологической политики ЕС аксиоматически отталкивается от положения о лидирующей роли Европейского союза в международной климатической повестке. При этом в качестве источников используются документы ЕС и / или интервью с политиками из институтов

ЕС и государств-членов. Такой подход, несмотря на определенную предвзятость, позволяет уделить больше внимания компонентам и природе лидерства ЕС как коммунитарного игрока. Анализ лидирующей роли ЕС отталкивается от классификации типов лидерства и оценивает устойчивость внутренней повестки борьбы с изменением климата («показательное» / *exemplary leadership*) и способности к ее внедрению на международной арене и формирования устойчивого круга последователей («дипломатическое» / *diplomatic leadership*) [Oberthür, Dupont, 2021]. Объединение двух этих компонентов основано на выводе о размывании разграничения между внутренней повесткой, связанной с формированием правильного примера, и внешнеполитической деятельностью, направленной на призыв к следованию примеру [Skjærseth, 2017].

«Показательное лидерство» ЕС сформировано внедрением последовательных и жестких норм по снижению выбросов. ЕС превзошел другие регионы по сокращению выбросов парниковых газов и установил высокий уровень новых мощностей возобновляемой энергетики. К 2019 г. ЕС добился сокращения выбросов парниковых газов на 24% по сравнению с 1990 г. Доля возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии в ЕС составила 19,7% в 2019 г. по сравнению с 9,6% в 2004 г. [Renewable Energy Statistics, 2020], подтвердив таким образом выполнимость целевых показателей, сформулированных в 2008 г.

В контексте априорного признания лидирующих позиций ЕС авторы стремятся проанализировать переменные, которые оказывают влияние на их устойчивость. Наиболее важными факторами в этой связи выступают вопросы потенциальной возможности для последователей соблюдать заданные Европейским союзом параметры [Torgney, 2015]. Именно недостаток внимания к соответствию предлагаемых форматов базовым характеристикам последователей стал одним из причин неудачи саммита в Копенгагене и объяснил относительный характер лидерства ЕС. Отсутствие однозначного признания в качестве бесспорного лидера, продемонстрированное результатами саммита в Копенгагене и работой после него, а также ситуативной коалицией США и Китая при администрации Обамы, рассматривается как «система фрагментированного лидерства» [Parker et al., 2017], которая одновременно ограничивает и формирует стратегию ЕС.

Сила собственного примера в качестве компонента лидерства также рассматривается в хронологической перспективе. Период, предшествовавший саммиту в Копенгагене, отмечен внутренними противоречиями в ЕС по вопросам

развития климатического регулирования, что вызвало недовольство со стороны других стран тем, как сам ЕС внедряет предлагаемые им стандарты [Parker, Karlsson, 2010]. Впоследствии ЕС пересмотрел механизмы достижения лидерских позиций, особое внимание уделяя формированию консенсуса между другими международными субъектами по вопросам климата, что способствовало введению в исследовательский оборот термина «*leadediator*» [Bäckstrand, Elgström, 2013]. Несмотря на важность последовательной внутренней политики по формированию примера, не до конца освещенным остается вопрос о механизмах привлечения последователей в условиях многоуровневой системы управления [Wurzel et al., 2019].

Во многом деятельность ЕС на международной арене по борьбе с изменением климата оказывает влияние на формирование внутренней экологической политики. Диалектика внутреннего и внешнего измерения общеевропейской позиции четко прослеживается при анализе динамики его политики в сфере экологии.

АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ РОЛИ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Работы, в которых бы анализировались причины активности ЕС на климатическом треке, немногочисленны. Исследователи прежде всего указывают на насущность проблем, связанных с изменением климата, которые заставляют акторов действовать в русле повестки борьбы с подобными переменами. При этом внутриевропейское измерение климатического лидерства рассматривается через призму эволюции структуры консенсуса внутри ЕС, что позволяет говорить о том, как Брюссель операционализирует повестку экологической безопасности для преодоления внутренних разногласий.

В конце 1990 – начале 2000-х годов климатическая политика рассматривалась как возможность для европейских институтов повысить свою легитимность, поскольку меры по защите окружающей среды оценивались как общее благо и пользовались неизменной популярностью у избирателей [Oberthür, Roche Kelly, 2008]. С ростом популярности правых партий внутриполитическая повестка стала включать нарратив отрицания негативных последствий изменения климата и отражать заметный раскол между странами – членами ЕС по вопросам необходимости принятия жестких

регуляторных мер по борьбе с глобальным потеплением [Weko, 2021]. В этих условиях работа наднациональных институтов оказалась направлена на создание основ для широкой консолидации в контексте экологической политики. Так, текст «Зеленого курса» особое внимание уделяет задачам уравнивания возможностей, необходимости «никого не оставить позади» [The European Green Deal, URL]. Обострение конкурентного характера международной среды потребовало от наднациональных структур ЕС прагматичных объяснений целесообразности проведения жесткой экологической политики.

В этой связи авторы подчеркивают, что артикулированное в последние годы объединение повестки энергетической безопасности и экологии в «пакет» отражает стремление к максимальному консенсусу среди заинтересованных субъектов ЕС [Skjærseth, 2014]. В условиях изменения ценовой конъюнктуры основным вызовом становится необходимость включения цели углеродной нейтральности и усиления доверия к международному лидерству ЕС, чтобы иметь возможность оказывать регулирующее воздействие на отношения с другими игроками.

Стремление сохранить за собой ведущие позиции в глобальном регулировании проблемы побудило институты ЕС пересмотреть законодательство ЕС в области возобновляемых источников энергии и сделать его как можно более жестким, чтобы завоевать доверие других стран [Walker, Biedenkopf, 2018].

Включение в повестку борьбы с климатом вопроса расширения доли возобновляемой энергетики рассматривалось в ЕС как решение проблемы своей глобальной конкурентоспособности. Европейские страны, особенно Германия, Испания и Дания, сыграли важную роль в создании более проработанной международной архитектуры управления возобновляемыми источниками энергии, включая Сеть политики в области возобновляемых источников энергии для XXI века (REN21) и Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA) [Meckling, 2019]. Движимые стремлением создать глобальные рынки для своих зарождающихся отраслей возобновляемой энергетики в начале 2000-х гг. и экспортить свои практики и технологии [Steinbacher, 2018], эти страны стремились обеспечить международную поддержку возобновляемых источников энергии, которая позволит сохранить устойчивость данного сектора. В результате сформировалось ожидание постоянного амбициозного развития ВИЭ в направлении, экономически выгодном для стран Европейского союза.

Исследования внутренней динамики экологической политики ЕС демонстрируют, что коллективная природа ЕС позволяет смягчить влияние экономического интереса корпоративных игроков за счет выравнивания баланса внутри объединения. ЕС таким образом оказывается более последовательным в продвижении экологической повестки, чем США и Китай, подверженные влиянию текущей конъюнктуры. «Климатическое лидерство» на различных этапах становится производной от внутренней экологической повестки стран-членов или общим наднациональным регулятором для поддержания консенсуса внутри ЕС. Эволюция наполнения категории «климатического лидерства» от формирования глобальной повестки многосторонних переговоров до принятия на себя наиболее жестких климатических обязательств демонстрирует гибкость ЕС в адаптации к меняющимся условиям среды. Кооперативный характер предложений, характерный для ЕС после саммита в Копенгагене, отражает запрос на консенсусное лидерство и одновременно попытку преодолеть противоречие между материальным и нормативным потенциалом лидера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие в западном академическом поле исследования внешнего измерения климатической политики ЕС иллюстрируют основные подходы к категории лидерства. Глобальная экологическая повестка как пример общего вызова для международного сообщества позволяет рассмотреть ключевые компоненты «лидера». Интересно, что в исследованиях ЕС рассматривается как квазигосударственный актор, в одном ряду с ведущими державами. Государственно-центричный характер современного режима по борьбе с изменением климата способствует формированию типологически сходного инструментария к анализу деятельности ЕС. Специфика исследований лидерства Европейского союза заключается прежде всего в большем внимании к проблеме внутриевропейского консенсуса, соотношению ролей государств-членов и наднациональных институтов в условиях комплексной и многоуровневой среды глобального климатического регулирования.

При этом академический дискурс избегает темы возможной взаимосвязи между лидерством в области глобальной климатической политики и лидерством вообще. Имплицитно подразумеваемый вопрос о том, насколько ЕС способен трансформировать свое влияние в сфере формирования политической повестки и экспорта экологических норм, не находит своего отражения в академических исследованиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. No. 2. Vol. 40. P. 235–258.
2. Lucke F. von. Principled pragmatism in climate policy? The EU and changing practices of climate justice // Political Geography. 2021. No. 86. doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102355.
3. Oberthür S. The European Union's performance in the international climate change regime // Journal of European Integration. 2011. No. 6. Vol. 33. P. 667–682.
4. Assett H. van, Brewer, T. Addressing competitiveness and leakage concerns in climate policy: An analysis of border adjustment measures in the US and the EU // Energy Policy. 2010. No. 1. Vol. 38. P. 42–51.
5. Petri F., Biedenkopf K. "United we stand, divided we fall". The effects of US contestation on EU foreign climate policy ambition // Global Affairs. 2020. No. 4–5. Vol. 6. P. 381–397.
6. Keohane R. O., Victor D. G. The regime complex for climate change // Perspectives on Politics. 2011. No. 1. Vol. 9. P. 7–23.
7. Delreux T., Ohler F. Ego versus Alter: Internal and External Perceptions of the EU's Role in Global Environmental Negotiations // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2021. No. 5. Vol. 59. P. 1284–1302.
8. Hurri K. Rethinking climate leadership: Annex I countries' expectations for China's leadership role in the post-Paris UN climate negotiations // Environmental development. 2020. No. 35. <https://doi.org/10.1016/j.envdev.2020.100544>.
9. Wu B. et al. A comparative analysis on the international discourse power evaluation of global climate governance. Environment, Development and Sustainability: A Multidisciplinary Approach to the Theory and Practice of Sustainable Development. 2021. # 23(8). P. 12505–12526. DOI: 10.1007/s10668-020-01180-42021.
10. Oberthür S., Dupont C. The European Union's international climate leadership: towards a grand climate strategy? // Journal of European Public Policy. 2021. No. 7. Vol. 2. P. 1–20.
11. Skjærseth J. B. The European Commission's shifting climate leadership // Global Environmental Politics. 2017. No. 2. Vol. 17. P. 84–104.
12. Renewable Energy Statistics // Eurostat. 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/>
13. Torney D. European climate leadership in question: policies toward China and India. Cambridge, MA: MIT press, 2015.
14. Parker C. F. et al. Assessing the European Union's global climate change leadership: from Copenhagen to the Paris Agreement // Journal of European Integration. 2017. No. 2. Vol. 39. P. 239–252.
15. Parker C. F., Karlsson C. Climate change and the European Union's leadership moment: an inconvenient truth? // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2010. No. 4. Vol. 48. P. 923–943.
16. Bäckstrand K., Elgström O. The EU's role in climate change negotiations: From leader to 'leadiator' // Journal of European Public Policy. 2013. No. 10. Vol. 20. P. 1369–1386.
17. Wurzel R. et al.. Pioneers, leaders and followers in multilevel and polycentric climate governance // Environmental Politics. 2019. No. 1. Vol. 28. P. 1–21.
18. Oberthür S., Roche Kelly C. EU leadership in international climate policy: Achievements and challenges // The International Spectator. 2008. No. 3. Vol. 43. P. 35–50.
19. Weko S. Communitarians, cosmopolitans, and climate change: why identity matters for EU climate and energy policy // Journal of European public policy. 2021. P. 1–20.
20. The European Green Deal. Brussels, COM. 2019. 640 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF.
21. Skjærseth J. B. Linking EU climate and energy policies: policy-making, implementation and reform // International Environmental Agreements. 2014. No. 16. P. 509–523.
22. Walker H., Biedenkopf K. The Historical Evolution of EU Climate Leadership and Four Scenarios for Its Future in Stephen Minas and Vassilis Ntousas (eds.), EU Climate Diplomacy: Politics, Law and Negotiations. Abingdon: Routledge, 2018. P. 33–46.
23. Meckling J. Governing Renewables: Policy Feedback in a Global Energy Transition // Environment and Planning C: Politics and Space. 2019. No. 2. Vol. 37. P. 317–338.
24. Steinbacher K. Exporting the Energiewende: German Renewable Energy Leadership and Policy Transfer. Wiesbaden: Springer, 2018.

REFERENCES

1. Manners, I. (2002). Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? Journal of Common Market Studies, 2(40), 235–258.

2. Lucke, F. von (2021). Principled pragmatism in climate policy? The EU and changing practices of climate justice. *Political Geography*, 86, 102355. doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102355.
3. Oberthür, S. (2011). The European Union's performance in the international climate change regime. *Journal of European Integration*, 6(33), 667–682.
4. Asselt, H. van, Brewer, T. (2010). Addressing competitiveness and leakage concerns in climate policy: An analysis of border adjustment measures in the US and the EU. *Energy Policy*, 1(38), 42–51.
5. Petri, F., Biedenkopf, K. (2020). "United we stand, divided we fall". The effects of US contestation on EU foreign climate policy ambition. *Global Affairs*, 4–5(6), 381–397.
6. Keohane, R. O., Victor, D. G. (2011). The regime complex for climate change, *Perspectives on Politics*, 1(9), 7–23.
7. Delreux, T., Ohler, F. (2021). Ego versus Alter: Internal and External Perceptions of the EU's Role in Global Environmental Negotiations. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 5(59), 1284–1302.
8. Hurri, K. (2020) Rethinking climate leadership: Annex I countries' expectations for China's leadership role in the post-Paris UN climate negotiations, *Environmental development*, 35? 100544. <https://doi.org/10.1016/j.envdev.2020.100544>
9. Wu, B. et al. (2021). A comparative analysis on the international discourse power evaluation of global climate governance. *Environment, Development and Sustainability: A Multidisciplinary Approach to the Theory and Practice of Sustainable Development*, 23(8), 12505-12526. DOI: 10.1007/s10668-020-01180-4
10. Oberthür, S., Dupont, C. (2021). The European Union's international climate leadership: towards a grand climate strategy? *Journal of European Public Policy*, 7(2), 1–20.
11. Skjærseth, J. B. (2017). The European Commission's shifting climate leadership. *Global Environmental Politics*, 2(17), 84–104.
12. Eurostat (2020). Renewable Energy Statistics. <https://ec.europa.eu/eurostat/>
13. Torney, D. (2015). European climate leadership in question: policies toward China and India. Cambridge, MA: MIT press.
14. Parker, C. F. et al. (2017). Assessing the European Union's global climate change leadership: from Copenhagen to the Paris Agreement. *Journal of European Integration*, 2(39), 239–252.
15. Parker, C. F., Karlsson, C. (2010). Climate change and the European Union's leadership moment: an inconvenient truth? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 4(48), 923–943.
16. Bäckstrand, K., Elgström, O. (2013). The EU's role in climate change negotiations: From leader to 'leadiator'. *Journal of European Public Policy*, 20(10), 1369-1386.
17. Wurzel, R. et al. (2019). Pioneers, leaders and followers in multilevel and polycentric climate governance. *Environmental Politics*, 1(28), 1–21.
18. Oberthür, S., Roche Kelly, C. (2008). EU leadership in international climate policy: Achievements and challenges. *The International Spectator*, 3(43), 35–50.
19. Weko, S. (2021). Communitarians, cosmopolitans, and climate change: why identity matters for EU climate and energy policy. *Journal of European public policy*, 1–20.
20. The European Green Deal. (2019). Brussels, COM (2019) 640 final. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF.
21. Skjærseth, J. B. (2014). Linking EU climate and energy policies: policy-making, implementation and reform. *International Environmental Agreements*, 16, 509–523.
22. Walker, H., Biedenkopf, K. (2018). The Historical Evolution of EU Climate Leadership and Four Scenarios for Its Future in Stephen Minas and Vassilis Ntousas (eds.) *EU Climate Diplomacy: Politics, Law and Negotiations*. Abingdon: Routledge, 33–46.
23. Meckling, J. (2019). Governing Renewables: Policy Feedback in a Global Energy Transition. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 2(37), 317–338.
24. Steinbacher, K. (2018). *Exporting the Energiewende: German Renewable Energy Leadership and Policy Transfer*. Wiesbaden: Springer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Болгова Ирина Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем
Московского государственного института международных отношений (Университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Столярова Евгения Андреевна

соискатель Московского государственного института международных отношений (Университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bolgova Irina Vjacheslavovna

PhD (History), Associate Professor, Department of Applied International Analysis,
Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Stolyarova Evgenia Andreevna

Postgraduate Student, Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 11.01.2022
одобрена после рецензирования 07.02.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 11.01.2022
approved after reviewing 07.02.2022
accepted for publication 14.06.2022